

ЛЕКЦИЯ 21

Сегодня мы будем говорить о последнем таинстве — таинстве священства. Это таинство может быть совершено только епископом, поэтому чинопоследования его нет в требнике — этой книге, которая является постоянной спутницей священника. Чинопоследование этого таинства содержится в другой книге, которая называется "Архиерейский чиновник" (ударение на втором "и"). Это книга довольно редкая, так что познакомиться подробно с ней не так просто.

Чинопоследование таинства священства весьма кратко. Прежде чем приступить к его описанию, необходимо обсудить основы таинства, основы учения о православном священстве. Что это такое?

Мы все знаем слово "иерархия" и понимаем, что иерархия необходима в жизни, чтобы был порядок. Собственно говоря, иерархия есть некое старшинство по важности дела. Мы теперь это слово толкуем расширительно, и я говорю, что иерархия в жизни существует везде, есть иерархия любых ценностей, любых дел, любых служений, чтобы был порядок, нужно знать соотношение разных ценностей в жизни, т.е. представлять, что более важно, а что менее важно — без этого порядка быть не может. Это расстановка по важности, а если быть ближе к этимологии этого слова, — по святости ("иерос" — "святой").

Принцип иерархичности подразумевает различную функциональную значимость, если мы говорим о служении человеческом. Это значит, что здесь не идет речь об онтологическом различии в служении ("онтологический" значит "бытийный, сущностный"). Онтологическая разница — разница по природе, по существу. Когда мы говорим об иерархическом различии, то мы имеем в виду не онтологическое различие, а функциональное. Ярким примером этого является учение о приоритете мужского пола, например. Христианство никогда не учило, не учит и учить не собирается о том, что мужчина лучше женщины. Но оно всегда учило, учит и будет учить о том, что мужчина — глава семьи. Это значит, что мужчине усваивается некое функциональное первенство в семейной жизни — и не только в семей, а в церковной, например. Это не значит, что мужчина лучше женщины. Это значит, что мужчина не таков, как женщина, по своей природе, что существует некое функциональное различие, необходимое для жизненного порядка. Если в семье не будет главы, то не будет порядка, семья жить не сможет. Если не будет в Церкви главы, не сможет продолжаться церковная жизнь.

Мы с вами знаем, что Церковь почитает Божию Матерь как Царицу Небесную. Следовательно, никакого унижения женщины в христианском учении нет. Или, например, спускаясь на землю, мы можем сказать: совсем не обязательно думать, что Президент это самый лучший человек на свете. Но если мы хотим, чтобы в государстве был порядок, чтобы оно могло жить, нужно слушаться президента. Нужно повиноваться Президенту, как и всякому начальнику, если он, конечно, не призывает нас к совершению явного зла.

Когда мы повинемся, слушаем и почитаем начальствующих людей, то в этом просто утверждается некое иерархическое различие, т.е. функциональная разница людских положений, и чем выше это положение функциональное, тем, естественно, больше людей должны человеку подчиняться, больше у него почета, больше власти. Все это не имеет никакого отношения к вопросу о спасении человека, о его святости, достоинстве пред Богом. Мы даже знаем, что чем выше стоит человек на иерархической лестнице, тем труднее для него спасение. Гораздо легче спастись простому христианину, чем священнику, священнику — чем епископу. Потому что чем выше положение человека, тем тяжелее крест его, тем труднее этот крест нести, труднее прожить жизнь непорочно и свято.

В христианство иерархический принцип пришел из Ветхого Завета. Вы знаете, что по воле Божьей Моисей поставил своего брата Аарона во священника. И было установлено, также по воле Божьей, что потомство Аарона будет родом священным, который будет служить скинии или, впоследствии, храму ветхозаветному. Был род левитов, которые должны были служить Ковчегу Завета. Здесь явным образом указывается и формулируется некое функциональное значение. Но там священство было родовым — был избран Аарон, и весь род, все потомство его было священством.

Но надо сказать, что попытки свести священническое служение Церкви к одному только иерархическому принципу совершенно недостаточны. Вы помните, что именно о таком, только лишь иерархическом, принципе, в священстве говорят обычно протестанты. Это типичная их ересь. Но вы знаете и то, что священство это не просто иерархия. Об этом сказано в Новом Завете. Вот слова ап. Петра, обращенные к христианам вообще: "Вы род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел". Это сказано в отношении всех христиан — и мужчин, и женщин. Все христиане в таинстве крещения получают особый дар Святаго Духа, который дает им благодатное рождение и делает их "родом избранным, царственным священством", священниками в этом мире.

Здесь не говорится ничего о иерархическом порядке, здесь говорится об онтологии священства — т.е. о том, что священство есть особое призвание, благодатная жизнь и благодатное служение. Некоторые протестантствующие богословы хотят забыть об этой онтологической природе священства, и надо

сказать, что иногда хочется об этом забыть. Почему? Потому что очень часто наличествует противоположная тенденция — сделать священников и священство носителями особой благодати, а весь народ Божий профанной массой, т.е. не народом Божиим, не "царственным священством", а какой-то серой массой, которая только один способ и имеет связи с Богом — через своих священников. Здесь утрируется вторая основа учения о священстве, и такая историческая сложившаяся тенденция, особенно сильная у нас на Руси, вызывает протест, потому что в этом случае священство начинает пониматься формально.

Приведу пример. Допустим, на Пасху я хочу причастить своих духовных чад. А мне говорят: нельзя этого делать, они же мясо ели, они уже разговелись к понедельнику. "Батюшка, простите, а вы разве мясо не кушали?" — "Ну так я же священник, мне же можно". Иначе говоря, священство понимается здесь как нечто в принципе иное — священник здесь уже не обычный человек, обычный христианин, а нечто совсем иное. Ему можно, от него не требуется усиленный подвиг, усиленное воздержание, молитва. Просто потому, что он священник, ему можно.

Если так понимать священство, то священство очень быстро снижается в своей жизни и делается ужасным и в некотором смысле даже отвратительным. Таким примерами были и в Ветхом Завете.

Так понимать священство нельзя. Нужно всегда помнить, что священник, с одной стороны, это избранник Божий, который имеет благодатное поставление и особый дар Божий. А с другой стороны, цель этого избранничества — в том, чтобы возложить на него особый подвиг, в том, чтобы он предстоятелем народа Божия, в том, чтобы он служил Церкви и народу Божию. От него требуется именно это иерархическое служение. Таким образом, чтобы понять православное христианское учение о священстве, нужно иметь в виду эти две основы учения. Только потому и возможно православное христианское священство, что вообще все христиане являются царственными священниками. Т.е. онтологическое понимание священства в православном понимании, на котором мы настаиваем, в отличие от протестантов, немыслимо, невозможно в том случае, если нет этого священства у всего народа Божия. То есть взять и выделить одних только священников и их наделить онтологическим священством, а весь народ Божий оставить как бы неосвященным невозможно. Точно так же, как потому возможно было воплощение Сына Божия, что весь род человеческий создан был по образу и подобию Божию. Так же и священство отдельного священника в высшем, онтологическом смысле возможно только потому, что весь народ Божий наделен царственным священством. То есть в священнике это царственное священство как бы концентрируется и достигает своего апогея — наиболее полного выражения.

Итак, две главные составляющие христианского учения о священстве: его онтологическая природа и иерархический принцип.

Как вы знаете, в Новом Завете священство устанавливается Самим Господом Иисусом Христом, когда Он избирает 12 апостолов и говорит им: "Не вы Меня избрали, но Я избрал вас". Затем избирает 70 апостолов, посылает их на служение, дает им власть изгонять духов нечистых, совершать чудеса, исцелять больных, учить об истине Божьей.

Наконец, по своему Воскресении Христос является Своим ученикам и говорит: "Примите Духа Святаго; как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас. Кому оставите грехи, тому оставятся, кому разрешите грехи, тому они разрешатся". Таким образом, Господь поставляет апостолов как особых носителей особой благодати Св. Духа и носителей особенной онтологической власти, которая не присуща человеку вообще по его первоначальному устройению. Это есть власть благодати, дарованная только лишь Самим Сыном Божиим.

Православное христианское священство имеет свое непосредственное основание в новозаветном учении и благословении Христовом. И особенно оно рождается, совершается в Пятидесятницу, когда рождается Церковь, когда на апостолов снисходит Дух Святой и они обретают благодатную силу. Тогда только они делаются апостолами в полном понимании этого слова, и здесь начинается их благодатное и таинственное служение.

Из Деяний апостольских и апостольских посланий нам известно, что апостолы стали посылать пресвитеров, епископов, но прежде всего они поставили диаконов. В переводе на русский язык "диакон" означает "служитель". Диаконов поставили потому, что многие христиане стали приносить к ногам апостолов свои имущества — деньги, имущество, продукты питания — для того, чтобы можно было устроить некую коммуну первохристианскую, которая больше в истории никогда не имела серьезных аналогов. И очень скоро апостолы были вынуждены заниматься разделением всего принесенного им и лишились возможности служить Церкви так, как они служили сначала. Тогда они обратились к народу и предложили выбрать семь диаконов, т.е. помощников, служителей, которые будут служить столам, как сказано в Деяниях. Замечательны и другие слова, которые сказали апостолы: "Мы же в служении слова пребудем". То есть здесь как бы подчеркивается несколько умаленный принцип. Сейчас очень часто и много говорят о благотворительности, служении милосердия. Это понятно, потому что в течение многих

десятилетий Церковь была лишена этого служения в силу условий гонения. И теперь приходится призывать всех христиан и священников к благотворительному милосердному служению. И мы очень часто начинаем впадать в другую крайность и говорить, что самое главное — это благотворительность и милосердие. А апостолы, оставляя служение благотворительности и милосердия диаконам, для себя избирают совершенно определенно служение слову. Потому что это служение является главным для священника, оно ни с чем не сравнимо и ничем не заменимо. Благотворительность — это хорошо и необходимо, но первым призванием священника является служение слову.

Замечательно, что первые семь диаконов избираются народом, а апостолы только поставляют их в диаконы. Здесь мы имеем тоже очень важный принцип избрания на священническое служение: здесь должно присутствовать избрание народное.

Вторая степень священства — пресвитер. Это тоже греческое слово, которое переводится на русский язык как "старец", человек, умудренный опытом как старший. В дальнейшем в посланиях ап. Павла мы находим еще одно понятие — епископ, которое на русском языке означает "блюститель".

Таким образом, мы имеем трехступенную иерархию: епископ пресвитер (священник) — диакон. Однако в первохристианское время такая иерархия сложилась не сразу, и в этом одно из мест преткновения для протестантов и протестантствующих богословов, которые говорят, что трехступенная иерархия — измышление человеческое и на этом основании по существу отрицает священство, отрицает апостольское преемство. Православные очень часто, чтобы противостоять этой ереси, с упорством настаивают на том, что с первых дней церковной жизни существовала трехступенная иерархия. Но, конечно, это недоразумение, потому что совсем не обязательно, чтобы все было вот так сразу формально и схематично устроено в жизни. В жизни никогда и ничего не бывает таким образом; в жизни все течет и изменяется, так и христианская жизнь, которая устанавливается Христом, Его учением и благодатным действием Св. Духа, постепенно испытывает становление, постепенно развивается и может меняться — не в онтологическом смысле (сущностном), а по внешним признакам. Как и человек: рождается младенчиком, потом растет, а потом наступает момент, когда мы его уже и узнать не можем в том 20-летнем юноше, в которого он развился. Он сильно изменился, но это не значит, что природа его изменилась. Она осталась той же самой, просто раскрылась, развилась.

Так и в истории происходит. Конечно, в апостольское время апостолы поставляли диаконов, пресвитеров и епископов. Диаконы имели как бы служебное значение, они должны были помогать. А пресвитеры и епископы не разделялись между собой, как теперь, но были совершителями литургии, т.е. помогали апостолам в гораздо большем смысле. Но власть поставлять, руководить церковной жизнью принадлежала только апостолам.

Постепенно, по мере того как апостолы стали уходить в горный мир из этой жизни, стало очевидно, что их служение должно в основном (хотя во всей полноте это и невозможно), в чем-то существенном сохраниться в Церкви. И тогда их место было усвоено епископам. Они стали как бы отличаться от пресвитеров как бы полнотой власти, им стало принадлежать то, что первоначально принадлежало только апостолам: они возглавляют Церковь, они рукополагают клириков. Но это не сразу получилось и это ничего не меняет. Одним словом, трехступенная иерархия весьма быстро установилась в церковной жизни.

По древнему учению Церкви, епископ обладает всей полнотой церковной власти. Понимание этого принципа мужем апостольским, епископом Антиохийским Игнатием Богоносцем в идеальном и абсолютном выражении заключается в словах: "Где епископ, там и Церковь". В его сознании Церковь без епископа невозможна. Епископское служение является необходимым и достаточным для того, чтобы существовала Церковь. А у нас обычно эта формула и сейчас повторяется как некая безусловная и не подлежащая никаким поправкам и обсуждению аксиома церковной православной жизни. И мы, конечно, так это и оставим и не будем подвергать сомнению. Но было бы неправильным умолчать о том, что, как это ни грустно, но понимание епископского служения в Церкви в разные эпохи было разным. И это несколько не удивительно, так было, есть и будет: меняется эпоха — меняется понимание разных вещей в жизни Церкви. Это несколько не означает, что меняется благодатная природа или благодатная жизнь Церкви.

Я постоянно на этом настаиваю, чтобы научить вас мыслить не формально, а глубоко и по-настоящему. Нужно принимать жизнь такую, какая она есть. Если мы будем подменять жизнь схемой, тогда мы не сможем в этой жизни разумно действовать, мы всегда будем исходить из каких-то схем и жизнь нам будет непонятной, она всегда будет ставить нас в тупик, мы всегда будем находиться в противоречии с жизнью и не сможем знать истину, чувствовать ее, потому что наше сердце будет мертвым, неподвижным, т.к. не будет воспринимать ничего живого, а только мертвую неподвижную схему. Как, скажем, в науке или, лучше, в искусстве: можно научить любого человека рисовать или срисовывать что-нибудь, но он никогда не станет художником, если у него не будет ощущения жизни, если он не будет сам чувствовать жизнь и воплощать ее в образах. Точно так же можно научить играть на любом

инструменте любого человека, но если в нем нет ощущения жизни музыки, он никогда настоящим музыкантом не станет. Так же и в Церкви: церковная жизнь никогда не будет полной, если мы будем иметь в виду вместо нее только схему.

Почему я это говорю? Потому что жизнь ставит немало проблем для нас. Современные епископы в жизни Церкви занимают во многом не такое место, какую занимал, например, Игнатий Богоносец. Очень часто епископы, к великому сожалению (и их собственному тоже), делаются администраторами. Происходит это по необходимости, особенно у нас в России, где епископов всегда катастрофически не хватает. Скажем, в Греции в каждом мало-мальском селении или городке был епископ, а в России один епископ приходился, может быть, на половину Сибири. Поэтому естественно, что на епископа ложится такая нагрузка, что он не может жить в такой тесной связи с народом, какая необходима и какая подразумевается в словах Игнатия Богоносца. И получается, что епископ далек от народа Божия, что люди часто не знают епископа в лицо и не могут к нему обратиться, они не могут быть на богослужениях архиерейских. Очень часто так бывает, и постепенно из-за этого положение священников тоже делается иным. Потому что епископ где-то есть, но неизвестно где, а в наличии есть только священник. И священнику приходится усваивать в жизни те функции, которых он не должен был бы иметь.

Одним словом, такая трансформация понимания иерархии, иерархических служений в истории имеет место. И нужно это понимать, чтобы знать, как должно быть, чтобы стремиться к идеалу. Только не надо думать, что те недостатки, которые в исторической жизни накопились, являются нормой. Это ужасно, если мы будем все неправильное считать нормой — тогда мы не будем понимать настоящей нормы. Поэтому естественно, что каждый настоящий епископ стремится больше служить литургию, больше быть с народом, беседовать, быть во главе Церкви реально, благодатно, а не только административно.

Подобно этому меняется и служение диаконов. Если в первой Церкви они были помощниками в благотворительном, милосердном служении, должны были в основном пещись о столах, то теперь, как вы знаете, диакону требуется, по несколько вульгарной поговорке, волос и голос. То есть диаконы — это некие украсители службы, они должны обязательно говорить басом "паки и паки", а в больших соборах быть вместо граммофона. У нас на Руси сложилась тяжелая традиция диаконского служения. Сейчас возобновились некие диаконские конкурсы (а до революции они бывали постоянно каждый год, это были некие фестивали диаконские, куда приезжали диаконы со всей России и поражали своими басами, а их выбирали для епископских соборов. Существуют воспоминания о том, как архидиакон Константин Розов (замечательный архидиакон патр.Тихона впоследствии) в Германии освящал собор с одним архиереем. Когда он послужил, вся Германия поняла, что такое Россия, и германский король понял тоже, что воевать с русскими не надо.

Это все шутки. К разряду шуток можно отнести рассказ совершенно реальный о том, как наш недавний патриарх Алексей I приехал в Англию и там служил. На службе присутствовал архиепископ Кентерберийский — глава англиканской церкви. В то время было модно беседовать о том, чтобы англикане как-то сблизилась, а может быть, и соединились с православными, хотя это и было нереально. Но об этом было модно вести богословские переговоры. И когда патр.Алексий там послужил, архиепископ Кентерберийский сказал: "Нет, все-таки мы, пожалуй, не будем переходить в православие". — "Почему?" — спросил очень удивившийся патр.Алексий. — "Вас Бог, очевидно, не слышит, вам приходится очень громко кричать", — сказал архиепископ.

Как видите, понимание диаконского служения в истории совершенно изменилось. Теперь пойдите найдите диакона, который занимается благотворительностью, "служит столам". Вряд ли вам это удастся. Есть, правда, такой один отец — в отделе благотворительности. Конечно, изменилось и понимание священнического служения, хотя, может быть, и в меньшей степени.

Все это я говорю для того, чтобы вы почувствовали, как установилась трехстепенная иерархия и как они понималась первыми христианами.

В чем изменилось служение пресвитера? Об этом очень интересно пишет протопресвитер Николай Афанасьев в книгу "Церковь Духа Святаго". Он настаивает на том, что у первохристиан о священнике было понятие такое, что священник — это предводитель народа Божия, он есть просто глава общины; он такой же, как и весь народ Божий, но просто старший, его избирает община, а епископ как бы утверждает его в этом предводительстве. Церковь живет органической полнотой, это семья, а главой семьи является пресвитер.

Сейчас мы находим совершенно другое положение. Может быть, в последнее время как-то возрождается общинная жизнь благодаря мученикам, старцам. Но даже еще в 19 веке (да и в нашем) мы найдем массу священников, у которых нет никаких общин, никаких духовных чад, а есть приход. И вот на этом приходе есть поп, который нужен для того, чтобы служить, что-то освящать, водой кропить и т.д. Он может совершить любую требу, он требоисполнитель. Ну, может быть, какой-то духовник. Но во

всяком случае никто его не представляет себе как предстоятеля. Есть у нас батюшки, вот пусть они и служат — такое представление о священническом служении существует в народе. Ярким примером является отношение к литургической жизни в Грузии и вообще на Кавказе. Я бывал там неоднократно и всегда поражался тому, как грузины и вообще Кавказцы ведут себя на литургии.

Они приходят в храм, обязательно положат записки, подадут просфоры, поставят свечи, а потом выходят в садик при церкви и садятся на лавочку. Если их спросишь, почему они сидят здесь, а не участвуют в литургии, они скажут: "Ну батюшка же молится...". Они все сделали, а молиться — пусть батюшка молится. После литургии они заходят в церковь, берут просфорки и идут домой. Или приводят какого-нибудь козла и заставляют батюшку обвести его трижды вокруг церкви, а потом еще и зарезать его. Это остатки языческого культа, который каким-то образом перешел в христианство.

Таким образом, отношение к священнику как к некоему жрецу — отношение языческое — в некоторой степени наличествует в нашей современной жизни. Это совершенно не то представление о священнике, которое было у первохристиан. В их понимании священник был предстоятелем народа Божия. Он священствовал вместе с народом Божиим, с царственным священством. Без него невозможно было совершить литургию или какое-нибудь таинство. Но так же невозможно было ему служить без народа Божия, т.е. священническое служение совершалось всей полнотой Церкви. Церковью совершалось все в Церкви. Теперь очень часто об этом совершенно забывают. Вот, мол, есть батюшка, пусть он всё и совершает, что надо, а мы заплатили, возьмем вот просфорки, поставим свечки, а молиться — пусть он молится.

Так что представление о священстве тоже очень сильно трансформировалось. Мы пытаемся и стараемся вернуться к древнему пониманию священства, мы хотим, чтобы священник был действительно главой общины, главой семьи церковной, чтобы христиане участвовали в церковной жизни, чтобы все таинства, как и литургия, совершались в полноте церковной жизни. Точно так же было бы замечательно, если бы диаконы были действительно помощниками священникам, а не только бы рычали "паки и паки" на амвоне. Чтобы они действительно помогали бы, скажем, в милосердной благотворительной жизни. Пока ничего этого нет. И если это исполняется, то не диаконами, а диакониссами, а диаконы совершенно забыли о своем предназначении.

В таком учении о Николае Афанасьева есть и некоторая опасность. Если мы будем настаивать на том, что священник есть только глава, предстоятель народа Божия, на этом сконцентрируемся, то мы можем забыть о другой природе священства и таким образом очень сильно приблизиться к протестантскому пониманию священства, что не менее, а может быть, даже и более страшно. То есть все-таки священник — это священник, и ни в коем случае нельзя умалять дар священства, данный ему.

Для того чтобы понять это, необходимо знать еще одну основу учения о священстве: что именно дается в таинстве священства. Что есть тот благодатный дар, который дается в таинстве рукоположения?

Это, конечно, дар особенной пасторской любви; если хотите, это есть дар носить образ Христов на себе. Мы знаем, что всякий человек создан по образу и подобию Божию, но в таинстве священства дается как бы еще особенное подобие, уподобление Христу. Предизбранному к священству в этом таинстве дается дар носить на себе образ Первопастыря, почему и носить священник у себя на груди распятие — образ Христа распятого. Потому что в этом как бы и состоит особенная сущность этого дара — дара священства. И это, конечно, не может быть сводимо только лишь к предстоятельству в народе Божиим. Это нечто большее.

Очень важно для нас понять, что всякая крайность губительна и нехороша. Мы знаем из истории Церкви и событий недавних, что существовала масса служений, масса жизненных коллизий. Было часто невозможно иметь церковную жизнь в том порядке, который предполагается в идеале. Знаем, что часто священники служили без епископов. Это значит, что епископов всех пересажали в тюрьмы. Был момент, когда осталось только 4 или 3 епископа на своих кафедрах. А священники служили литургию. Бывали случаи, когда священники в этих условиях поминали просто всякое епископство православное, потому что просто было некого помянуть конкретно. И мы теперь не считаем, что это не было литургией, что не было служения настоящего церковного. Мы говорим о том, что таинство должно совершаться в полноте Церкви, то есть вся Церковь должна участвовать в совершении всякого таинства. Но мы знаем массу случаев, когда литургию совершали втайне, когда священник один совершал литургию, когда втайне крестили, втайне венчали. Т.е. экстремальные условия не означают, что церковная жизнь повреждается в ее онтологическом бытии, ее сущностной природе. Мы говорим о том идеале, который имеет в виду Церковь. Но по милости Божией, особенному усмотрению, Промыслу Божию, вся историческая христианская жизнь как бы воцерковляется со всеми трудностями и коллизиями, со всеми реальными противоречиями, бедствиями и трагедиями. И никогда нельзя быть формалистом.

Следует сказать о том, как совершается таинство священства. Есть такие греческие слова: "хиротесия" и "хиротония". По-русски мы знаем слово "рукоположение" и очень часто называем таинство священства рукоположением, или хиротонией. Но буквально "рукоположение" ближе по смыслу слову "хиротесия",

потому что "хир" — "рука", а "хиротесия" — "власть возлагать руку". Слово "хиротония" означает "избирать поднятием руки", это не совсем то же, что "рукоположение". Уже в этимологии этого греческого слова мы видим интересную закономерность: хиротонией, то есть таинством поставления во священника, называлось вначале не столько рукоположение, сколько поставление во священника, которое в древности совершалось народом. Первым этапом такого поставления было народное избрание.

Нужно оговориться сразу, что с первых же времен бывало и иначе: бывало, что и апостолы поставляли клириков без народного избрания, а потом и епископы сами рукополагали и диаконов, и священников и даже епископов — без всякого народного избрания. Потому что бывали в жизни всякие ситуации. Но все-таки народное избрание вошло в сознание Церкви как очень существенная часть таинства священства.

Хиротония, которая теперь переводится как бы в расширительном смысле как таинство священства, в Церкви понималась с самого начала как некое особое таинство. Это важно понять, чтобы понять учение о священстве. Дело в том, что всякое таинство — крестим ли мы, венчаем, исповедуем ли или соборуем и даже причащаем, — всякое таинство имеет целью освятить приходящего к нам человека, оно совершается над человеком ради его спасения, ради его освящения. Хиротония же совершается не для этого. Мы рукополагаем в священника, в диакона, в епископа не для того, чтобы освятить и спасти ставленника. Его рукополагают для Церкви, чтобы через него спасались другие люди. Это есть в особенности преимущественно общецерковное дело. Оно совершается не ради конкретного человека, а ради всей Церкви. В этом таинстве на первом месте стоит служение общецерковное, служение Церкви, а не спасение конкретно одного человека. В этом — принципиальное отличие хиротонии от всех других таинств.

Чинопоследование это совершается во время литургии. Здесь тоже мы имеем замечательную особенность. Все таинства в той или иной степени укоренены в литургии, и есть учение святоотеческое, которое говорит, что без причастия Св.Христовых Таин ничто не полно в Церкви, ни одно таинство не бывает совершенным. То есть любое таинство в Церкви обретает свою полноту, свое совершенство именно в причастии Св.Христовых Таин. Но, как известно, все таинства Церкви секуляризировались, т.е. выделились из состава Церкви, отделились от литургии. Теперь и крестины совершают отдельно, и исповедь, и венчание, и соборование, хотя в древности было иначе. Но таинство священства не выдвинулось из состава литургии. Оно осталось общецерковным таинством, которое совершается со всей полнотой церковной, потому что оставлено в литургии.

Я уже сказал, что совершает это таинство только епископ. В древности редко приходилось видеть это таинство, в наше время чаще рукополагают. Я вам очень советую всем обязательно пойти на литургию, когда совершается рукоположение.

Рукоположение диакона совершается в конце литургии, после освящения Св.Даров и пения "Достойно и праведно есть"; рукоположение священника совершается после пения "Херувимской песни", т.е. до освящения Св.Даров; рукоположение епископа совершается после пения "Святый Боже". Как видим, чем выше степень священства, тем раньше в литургии совершается рукоположение.

Совершается оно похожим образом. Накануне рукоположения диакона ставленник приносит епископу подрясник, чтобы он его благословил; обычно это бывает перед всенощной (я рассказываю, как теперь это делается). Во время всенощной он читает шестопсалмие. Наутро, во время облачения архиерейского посредине храма, совершается поставление, или хиротесия, ставленника в младшие степени — сначала в чтеца, потом в иподиакона. Сейчас так делается — прямо подряд, хотя раньше это делалось не обязательно в связи с хиротонией. После поставления в иподиакона на нового иподиакона надевают новый стихарь, и он стоит около царских врат с подносом — он должен прислуживать епископу во время умовения рук перед "Херувимской песней". Когда наступает время рукоположения, то выходят обычно два диакона, берут под руки ставленника и вводят его в царские врата — впервые в жизни он переступает царские врата. В алтаре в это время сначала все духовенство, а потом подхватывает хор — начинают петь мученические тропари: "Святые мученицы, добре страдальчествовавши, и венчавшиися, молитесь ко Господу" и "Слава Тебе Христе Боже", потом "Исаия ликуй". Во время пения этих тропарей диаконы водят ставленника три раза вокруг престола, причем он каждый раз целует престол и делает поклоны епископу. После этого он встает на колени, а священник возлагает на его главу омофор и руки и читает две молитвы рукоположения, в которых есть такие слова, громко произносимые епископом: "Божественная благодать всегда немощная врачующия, оскудевающия, восполняющия, пророчествует (?) во благоговейнейшего иподиакона (имя рек) в диакона. Помолимся убо о нем, да приидет на него благодать Всесвятаго Духа". В это время хор медленно поет "Господи помилуй".

Мало в Церкви таких святых моментов, когда так явственно ощущается присутствие Божие. Это действительно особенный, благодатнейший момент, когда легче всего почувствовать, как благодать Божия приходит и освящает нас, когда хочется молиться со слезами об человеке, который оставил все в

этом мире и посвятил свою жизнь Богу. И вот Господь приходит и освящает его для Себя, для его жертвенного служения, для того, чтобы он отныне больше никогда не принадлежал себе и обычной земной жизни. Не принадлежал бы своей семье — и в знак этого священник еще перед рукоположением снимает с руки ставленника обручальное кольцо (это, правда, русский обычай, очень трогательный и символический, но не везде так делается) и кладет его на престол. Больше никогда это кольцо на свою руку не надевает рукоположенный — в знак того, что отныне он обручен другой семье. В первую очередь это Церковь. И как Христос является Женихом церковным, так и священник теперь имеет другую невесту — Церковь, другую семью — Церковь.

После того как прочитаны молитвы, епископ выводит рукоположенного на амвон, и иподиакон дает ему в руки орарь (если это был диакон). Епископ поднимает орарь, показывает его народу и громко говорит: "Аксиос" и возлагает орарь на плечо новопоставленного диакона, а хор от лица народа громко поет: "Аксиос, аксиос, аксиос" ("достойн"). Этим словом народ как бы утверждает архиерейское поставление. Так же, как обычно в конце молитвы народ восклицает "аминь", утверждая то, что сказал священник. Так и здесь народом утверждается избранничество и поставление: "Аксиос". Это очень существенный момент таинства священства.

Вначале должно быть избранничество, которое теперь совершается весьма условно и вообще не всегда, а народное избранничество вообще редко бывает. Избранничество бывает в виде избранничества духовником, который как бы избирает и от лица своей общины ставляет кандидата. Теперь так бывает, но тоже далеко не часто. А до недавнего времени это бывало совсем редко.

Итак, избрание народное, поставление архиерейское и утверждение народное ("Аксиос"). Потом надевают поручи и тоже говорят "аксиос", дают "Служебник", а если это священник, то дается ему крест священнический и фелонь, а если архиерей, то омофор и саккос.

В этом служении, в этом таинстве есть еще один очень важный момент, который обычно бывает в священническом рукоположении. Священника рукополагают после "Херувимской песни". Вскоре начинается Евхаристический канон. Новопоставленный священник стоит после первого священника, вторым, хотя он должен был бы быть последним (а в архиерейском служении бывает обычно очень много духовенства). Но новопоставленного священника всегда ставят вторым — так же, как и диакона. И вот когда наступает момент литургии после "Достойно", епископ берет частицу "ХС", отделяет от Агнца, полагает на специальный дискос и дает в руки новопоставленному священнику. А потом говорит: "Приими залог сей, о немже будешь истязан на Страшном Суде Христовом". Это частица Тела Христова, ведь Церковь — это Тело Христово. Именно часть Тела Христова, часть Св.Агнца вручается священнику с этими страшными словами. Это очень существенный момент в чинопоследовании таинства священства.

После литургии радостно бывает приветствовать новопоставленного диакона или священника. Если это диакон, то он в конце литургии возглашает свою первую ектению; а если это священник, то он исходит читать заамвонную молитву, а потом ему обычно дают крест и он этот крест предлагает всему народу, который целует крест и поздравляет новопоставленного.

Мы как бы проскочили с вами младшие степени священства чтеца, иподиакона, я только упомянул, что в них происходит поставление непосредственно перед литургией, но так получилось не случайно. Здесь нужно обязательно поговорить об условиях для принятия священства. Подробно об этом мы говорим в курсе пасторского богословия. Я же приведу выдержку из Первого Послания ап. Павла к Тимофею о том, как относится Церковь к поставлению во священника, епископа или диакона (3:1-13): "Верно слово: если кто епископства желает, доброго дела желает. Но епископ должен быть непорочен, одной жены муж, трезв, целомудрен, благочинен, страннолюбив, учителен, не пьяница, не бийца, не сварлив, не корыстолюбив, но тих, миролюбив, не сребролюбив, хорошо управляющий домом своим, детей содержащий в послушании со всякою честностью; ибо кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли пещись о Церкви Божией? Не должен быть из новообращенных, чтобы не возгордился и не подпал осуждению с диаволом. Надлежит ему также иметь доброе свидетельство от внешних, чтобы не впасть в нареkanie и сеть диавольскую. Диаконы также должны быть честны, не двоязычны, не пристрастны к вину, не корыстолюбивы, хранящие таинство веры в чистой совести. И таких надобно прежде испытывать, потом, если беспорочны, допускать до служения. Равно и жены их должны быть честны, не клеветницы, трезвы, верны во всем. Диакон должен быть муж одной жены, хорошо управляющий детьми и домом своим. Ибо хорошо служившие приготавливают себе высшую степень и великое дерзновение в вере во Христа Иисуса".

В другом месте ап. Павел пишет Тимофею: "Руки ни на кого не возлагай поспешно" (т.е. не будь легкомысленным, совершая таинство рукоположения, будь строгим и разборчивым). Отсюда мы можем сформулировать некоторые необходимые условия священства. Отчасти в апостольских посланиях (так называемых пастырских посланиях) есть источник для этого учения, отчасти в церковных канонах,

апостольских правилах, в постановлениях Вселенских Соборов мы можем найти необходимые условия для принятия священства.

Человек, имеющий на совести смертные грехи (убийство, блуд, прелюбодеяние), не должен избираться на священство. Не только сам ставленник должен быть целомудренным и не может быть, даже в прошлом, убийцей, блудником или вором, но и жена его тоже должна быть целомудренной, должна быть девицей, должна быть соответственной тому высокому идеалу, который рисуется нам в Послании ап. Павла.

И сейчас есть так называемые канонические препятствия к принятию священства. Если человек совершил тяжкие грехи в своей жизни, то он не может быть избран на священство. Если он женат не на девице, например, а на разведенной, его уже нельзя рукополагать. И не только на разведенной, а просто на женщине, не сохранившей девства. Он должен также иметь доброе свидетельство от внешних, т.е. не должен иметь справедливого укора от общества, от неверующих. Например, есть такое правило, что ставленник не должен иметь судимости, не должен быть осужден. Даже если он уже отбыл срок, он не может быть рукоположенным. Здесь, конечно, имеется в виду осуждение справедливое, ведь существует масса примеров, что люди просидели в тюрьме много лет и были потом рукоположены, если это было гонение за веру и они никаких преступлений на совести не имеют. А если он, скажем, осужден за воровство, то он уже не может быть рукоположен. Также не может он быть и пьяницей. Почему? Он же покался, почему же его нельзя поставить? А потому что если кто-то может его укорить в чем-либо даже за прошлое, то это укорение возводится как бы на Церковь; он делается поводом, причиной того, чтобы укоряли Церковь. Таким образом, он соблазняет народ и препятствует людям обращаться к Церкви. Если будут говорить: ну, в этой церкви все воры или прелюбодеи, пьяницы поставлены в священники. Тогда, конечно, это будет существенным препятствием для прихода в Церковь. Священник должен быть непорочным, он должен иметь свидетельство от народа, от внешних именно как чистый человек.

Что касается девства и целомудрия. Здесь утверждается то требование, о котором мы говорили с вами, изучая таинство брака, — требование абсолютной моногамии. Если священник овдовевает, то он не может жениться во второй раз. Если же человек был женат и, скажем, овдовел и женился во второй раз, он не может быть рукоположен, потому что в христианстве есть учение о браке, учение об абсолютной моногамии. Один муж для одной жены, одна жена для одного мужа предусмотрены Богом, и если Церковь, учитывая немощь человеческую, снисходит и разрешает второй брак, то для священника идеал христианский должен обязательно соблюдаться во всей своей строгости. Исключение — только один случай — когда после каких-то браков или грехов совершилось крещение. Потому что крещение есть таинство рождения, в котором человек рождается в новую жизнь, и все, что было с ним раньше, аннулируется и уже не является препятствием к священству. Но и здесь есть некая оговорка: если человек женился на женщине, которая раньше была замужем, а потом развелась и крестилась, то можно на такой женщине жениться и стать священником. Но если у нее есть дети от первого брака, то уже нельзя. Казалось бы, все покрылось, но ее прежняя жизнь оставила существенный след. Дети, оставшиеся от прежней жизни, сделают жизнь этой семьи уже не идеальной. В этой семье будут дети от первого, от второго брака и т.д. А жизнь священнической семьи должна приближаться к идеалу.

Существенным препятствием для принятия священства является неправильная жизнь — например, если у священника дети неверующие. Он не может быть рукоположен. Если дети не церковные люди, живут какой-то нехорошей жизнью, то это препятствие для поставления, для служения священнического. Для священника это постоянная мука, если в его семье происходят какие-то беспорядки.

В наше время бывают ужасные случаи, когда священства ищет человек, у которого жена не православная. Это, конечно, полный абсурд и явное каноническое препятствие для священства, такого человека нельзя рукополагать. Как апостол говорит: если в своей семье он не умеет навести порядок, воспитать свою семью в вере, то как же он будет воспитывать других людей, содействовать порядку в церковной жизни?

После хиротонии уже не может быть и брака, т.е. если рукоположили женатого человека, то у него будет семья, он будет белым священником; он не может развестись с женой, не может ее оставить. Но если жена, скажем, изменила ему, то он не может ее принять и должен обязательно с ней развестись и принять монашество. Но если жена изменила священнику и он ее снова принял, то он запрещается в служении.

Такая строгость в отношении священнической жизни очень назидательна для нас. Так Церковь блюдет чистоту своего священства.

Соответственно этому, если человек принял священство (т.е., скажем, сан младшего диакона), то после этого он уже не может жениться, он остается целибатным, т.е. безбрачным. Он уже избран для новой жизни, для особого церковного служения и всякие брачные заботы теперь уже не могут соответствовать его служению. Когда он уже освящен церковному служению, с этим уже не совместимы какие-то

романы, чувства и заботы об устройении семьи. Это так строго, что относится не только к диакону, но даже к иподиакону и чтецам. Т.е. если совершилась хиротесия чтеца, то после этого жениться уже нельзя.

Такая строгая норма имеет свою обратную сторону. В жизни церковной эта норма не удержалась во всей полноте, но в то же время она должна быть сохранена. Поэтому возник парадокс: наши чтецы и иподиаконы, как правило, не имеют хиротесии. Их благословляют носить стихарь, благословляют читать и прислуживать архиереями, они называются иподиаконами, но они не имеют рукоположения, чтобы не лишить их возможности жениться. Это, конечно, некое переверачивание церковной нормы, но здесь опять имеет место экономия — некий компромисс, который стал для нас привычным, и мы на это согласилась, Церковь пошла на этот компромисс. Но для своей трехстепенной иерархии она этой нормы не уступила, т.е. служение диаконское, священническое уже никак не может быть воспринято без таинства. Собственно, таким таинством не называется только рукоположение в диакона. Конечно, хиротесия в чтеца и в иподиакона, но оно не относится к числу главных таинств. Поэтому мы и допускаем служение чтеца без хиротесии, и очень часто теперь просто священник обычно благословляет читать, петь на клиросе, прислуживать в алтаре, а хиротесия совершается только непосредственно перед диаконской хиротонией.

11.05.94.